

УДК 81'373

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИСПАНСКОЙ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

О.В. Мерзликина, канд. филол. наук (Киев)

Статья посвящена рассмотрению структурных и семантических особенностей испанской инвективы. Описываются основные особенности способов образования испанской инвективной лексики, такие как метафорическое переосмысление, аффиксальный способ, словосложение.

Ключевые слова: инвектива, метафорическое переосмысление, префиксация, словосложение, суффиксация.

Мерзлікіна О.В. Лексико-семантичний та морфологічний способи утворення іспанської інвективної лексики. Стаття присвячена розгляду структурних та семантичних особливостей іспанської інвективи. Описуються головні особливості способів утворення іспанської інвективної лексики, такі як метафоричне переосмислення, афіксальний спосіб, словоскладання.

Ключові слова: інвектива, метафоричне переосмислення, префіксація, словоскладання, суфіксація.

Merzlikina O.V. Lexical-semantic and morphological methods of formation of the Spanish invective vocabulary. This article deals with the structural and semantic characteristics of Spanish invective. The main features of Spanish invective vocabulary, such as metaphorical nominations, morphological method, composition, loanwords, are analyzed through their description.

Key words: invective, loanwords, metaphorical nominations, prefixation, suffixation.

Данная статья посвящена исследованию семантических и структурных особенностей образования испанской инвективной лексики. Актуальность настоящего исследования связана с расширением использования инвективной лексики во всех сферах коммуникации, а также с тем, что несмотря на то, что в последнее время изучение испанской инвективы привлекает внимание зарубежных лингвистов [6; 7; 10; 11], в отечественной испанистике исследование данной проблемы остается без внимания. Объектом анализа выступает инвективная лексика испанского языка. Предметом исследования являются структурно-семантические особенности образования инвектив. Цель работы заключается в выявлении типичных моделей образования испанской инвективы, а также ее основных семантических и структурных особенностей. Материалом исследования послужила испанская инвективная лексика,

собранный путем сплошной выборки из лексикографических источников.

Исследование роли языковых знаков в процессе формирования и передачи мировоззрения людей, их культурных ценностей является одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Испанская инвективная лексика представляется в данном случае одним из интереснейших материалов для исследования, поскольку отражает особенности национального мировосприятия, зафиксированного языковыми средствами.

В широком смысле термина инвектива определяется как любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности и эмотивности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации,

теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением субстандартных лексических единиц различной степени этико-стилистической сниженности [2, с. 7].

Определение понятия инвективы является одним из спорных вопросов в современной лингвистике. Зачастую в научных исследованиях понятия ненормативной, обесцененной, табуированной и инвективной лексики смешиваются между собой. В данной работе инвектива определяется как пейоративное наименование человека, выступающее в функции отрицательного воздействия на адресата: оскорбления, унижения, обиды, девалоризации личностных качеств адресата и т.д. [3, с. 6]. Следует отметить, что общепринятым в зарубежной испанистике является термин “insulto”, что, на наш взгляд, наиболее точно отражает функцию инвективы.

По мнению А.Ю. Позолотина, “инвективы в своей семантике отражают ценностные представления носителей языка, в центре которых находится человек со всеми возможными достоинствами и недостатками. Для семантики инвектив характерна направленность на людей. Выделяются объективные недостатки, присущие человеку в силу особенностей его внутреннего мира и субъективные недостатки, такие как принадлежность к определенной социальной группе, полу, возрастной группе, нации или расе” [4, с. 223]. Однако предметом оскорбления могут быть отдельные особенности, типичные для адресата, признаки, которые инвектант рассматривает как изъяны (умственные, физические) или как отклонение от его собственной “нормальности” [5, с. 88].

Исследуя испанскую инвективную лексику, в первую очередь, можно выделить смысловые сдвиги и переосмысления. Многие из инвективных слов не были созданы специально, они уже существовали в языке с другими значениями как часть общеупотребительного языка. Примечательным

в данном случае является то, что внимание обращается на определенные связи и схожесть между предметами и явлениями, используя метафору или метонимию в качестве источника пополнения инвективного вокабуляра. Часто инвективная лексика строится на аналогии с определенными животными или птицами. Метафорические наименования животных соединяют в себе и выражают две реальности – природу и человека – в одном образе. Они приписывают человеку этические, психологические и социальные характеристики поведения.

Высокая продуктивность метафоры как источника создания инвективной лексики обусловлена наличием в ее структуре образно-ценностного компонента. В центре инвективной метафоры находится сравнение субъекта с неким предметом окружающего мира. Зачастую предметы, стающие основой метафорического переноса, также имеют негативную оценочную и эмотивную коннотацию. Предполагается, что существует определенная группа денотатов, которые в той или иной лингвокультуре содержат в своей семантике определенные качества и оценки, которые могут находиться в отрицательной части шкалы оценки, что и приводит к активной инвективизации значения данных слов [4, с. 168].

К наиболее продуктивным относятся зооморфная и натурморфная метафоры, что “детерминировано высокой ассоциативной плотностью зоонимов и ряда психологически релевантных материальных объектов мира” [4, с. 6]. Так, например, на основе метафорического переноса значения были образованы следующие инвективы: *rata, víbora, cotorra, zorra, perra, lagarta, camaleón, sapo, mosca, pulpo, asno, caracol, vaca, mula, pavo, gata, hiena, jirafa, loba, gusano, lechón, atún, bicho, hipopótamo, cabrón, cacatúa, gallina, boquerón, ganso, ballena, foca, cerdo/a, loro, conejo/a, merluzo, percebe, papamoscas, pájaro*. Основой для такого переноса стала зооморфная метафора. Среди инвектив, образованных на основе натурморфной метафоры, встречаем следующие: *berzas, capullo, calabaza, calabazín, lirio,*

cardo, feto, melón, boniato, alcornoque, membrillo, cebolla, ceporro, fideo.

Анализ инвективной лексики показывает, что метафорический перенос значения осуществляется также по аналогии с профессиями человека: *verdulera, portera, pirata, verdugo, fregona, carnicero, sargenta, matrona, lacayo*; с едой: *chorizo, morcilla, fideo, albóndiga*; с национальной принадлежностью и расой: *judío, bozal, moro, gitano, mongol, pigmeo, sueco, gallego*; с игрушками: *marioneta, estafermo, muñeco, espantapájaros, fantoche, pinocho, trompeta*; с одеждой: *manta, bragas, chaleco, faldero, calzonazos.*

Рассмотрим образование некоторых инвективных лексических единиц, образованных на основе метафорического переноса. Так, инвектива *mosca* (буквально “муха” – надоеда, зануда) образована посредством переноса значения с поведения насекомого на человека, т.е. человека, отличающегося назойливостью и занудством, от которого невозможно избавиться, в свою очередь *fideo* (буквально “вермишель” – худой, тощий человек) также образована на основе метафорического переноса.

Важное значение в данном случае имеет также тот факт, что различные фрагменты социального поведения мужчин и женщин имеют различную общественную значимость, основывающееся, в первую очередь, на существующих в обществе гендерных стереотипах. Так, например, одна и та же инвектива может использоваться как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам, имея при этом различное значение. Такая асимметрия может возникать на основе переноса различных релевантных признаков денотата. При этом, такой перенос осуществляется, как правило, в соответствии с гендерными стереотипами определенного социума. Подтверждением этому может служить, например, испанская зооморфная инвектива *conejo* (буквально “кролик”) / *coneja* (буквально “крольчиха”). Данная инвектива создается на основе метафорического переноса релевантных качеств животного *conejo*. Однако релевантным качеством для основы создания

“мужской” инвективы служит внешняя характеристика животного ‘*dientes largos*’ (длинные зубы), в то время как “женская” – “*que pare mucho*” (постоянно рожаящая) – детерминирована ее физиологическими и социальными функциями в обществе. А такие инвективы, как *vibora* (буквально “гадюка”, т.е. ядовитая змея – фигурально, женщина произносящая злые, ядовитые высказывания), *cotorra* (буквально “маленький попугай”, имеющий свойство повторять за людьми слова, не понимая их смысла – фигурально, женщина, что не прекращает говорить ни на минуту), *feto* (буквально “зародыш”, фигурально – очень некрасивый человек, урод) являются узуальными главным образом только по отношению к женщинам. Это объясняется, на наш взгляд, гендерными стереотипами, поскольку болтливость считается сугубо женским свойством, а ее излишность осуждается обществом в случае с *vibora* и *cotorra*. Инвектива *feto* касается внешности человека. Данная инвектива используется преимущественно по отношению к женщинам, что свидетельствует о принципиальной важности такого критерия именно для представительниц слабого пола: существует некий женский идеал, упрек в несоответствии которому в определенных ситуациях рассматривается как оскорбление [5, с. 88]. В “мужской” инвективе *muñeco* (буквально “кукла”, т.е. женоподобный или слабохарактерный мужчина) имеет место демаскулинизация, имплицитный смысл которой основывается на гендерном стереотипе негативной оценочной характеристики нерешительного человека, не умеющего брать на себя ответственность или же такого, который уделяет особое внимание своей внешности, что присуще скорее женщинам и что не является характерным для мужчин.

Одним из способов формирования инвективной лексики испанского языка является использование морфологических средств. Как известно, в рамках этого способа различаются аффиксальный (суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный) и словосложение.

Среди морфологических средств образования испанского инвективного инвентаря особого вни-

мания заслуживает суффиксальный способ словообразования. Интересным в данном случае является использование диминутивных или аугментативных суффиксов, таких, как *-azo*, *-ón*, *-ido*, *-uelo*, *-ota*, *-ote*, *-ito*, *-ino*, которые нередко несут в себе негативные эмоционально-оценочные коннотации.

Лексические единицы, образующиеся с помощью данных суффиксов, в зависимости от семантики основы могут приобретать положительную или отрицательную окраску. В случае с инвективной эти суффиксы служат интенсификатором негативной коннотации слова: *cabrón* – *cabronazo*, *coño* – *coñazo*, *cebolla* – *cebollón*, *mamón* – *mamonazo*, *puto* – *putón*, *zorra* – *zorróna*, *coño* – *coñón*, *mariposa* – *mariposón*, *cabrón* – *cabrito*, *mosca* – *mosquita*, *cojones* – *cojonazos*, *bragas* – *bragazas*, *bato* – *batuecas*, *cebolla* – *cebolludo*, *farol* – *farolazo*, *necio* – *necezuelo*, *carajo* – *carajote*, *bobo* – *bobote*, *mierda* – *mierdecilla*, *pelma* – *pelmazo*, *gallina* – *gallito*, *lata* – *latazo*, *maricón* – *mariquita*. Как видно из приведенных примеров, увеличительные суффиксы главным образом усиливают негативную оценочную семантику основы, придавая ей большей экспрессивности и интенсивности: “*Pero no me lo recuerdes porque me pongo negra cuando me hablan de esa zorróna*” [13]. В то время как уменьшительные суффиксы имеют уничижительное значение, передают презрение: “*Tú no eres una princesa, Nausica; tú eres una zorra. Ni todo el oro del mundo podría convencerme de lo contrario. ... Una zorróna: eso es lo que eres*” [13].

Некоторые из этих суффиксов служат для создания новых лексем: *gorro* – *gorrón*, *simple* – *simplón*. Так, например, инвектива *gorrón* (мужчина, имеющий свойство жить, развлекаться и проводить время за счет других) / *gorróna* (женщина, занимающаяся проституцией, чтобы заработать себе на жизнь) происходит от *gorra* (буквально “шапка”). Посредством добавления суффикса

-ón/-a и на основе метонимического переноса образуется новая лексическая единица с инвективным значением¹. Такую же словообразовательную функцию могут выполнять и другие суффиксы: *-ido*: *cuernos* (рога) – *cornudo* (рогоносец, т.е. мужчина, жена которого изменяет), *-illo/-a* – *pulga* (блоха) – *pulguillas* (вспыльчивый человек), *-ota*: *cabeza* (голова) – *cabezota* (упрямец).

Иногда увеличительный суффикс может придавать иронический оттенок, благодаря чему и создается оскорбительное слово, поскольку ирония предполагает насмешку, приписывает человеку качества прямо противоположные тем, какими он обладает. Так, например, испанская инвектива *calzonazos* (тряпка, слюнтяй, подкаблучник, т.е. безвольный мужчина, находящийся в полном подчинении жены) образована на основе метонимического переноса от слова *calzones* (буквально “брюки”), а добавление увеличительного суффикса *-azos* придает слову иронической коннотации, благодаря чему и создается новая лексическая единица инвективной семантики. Суффикс *-azo*, в форме множественного числа *-azos/-as* посредством его добавления к неодушевленным существительным образует новые лексические единицы инвективной семантики и служит для характеристики отрицательных качеств человека, которые истолковываются как ‘слабый, глупый или неумелый человек (мужчина/женщина)’ [8, с. 29]. Подтверждением тому могут служить следующие примеры: *bragazas*, *cojonazos* (то же, что и *calzonazos*), *cuartazos* (корпулентный, но слабый мужчина), *bocazas* (человек, который говорит больше, чем следует, болтун), *chapuzas* (неумеха, халтурщик). Данный увеличительный суффикс может противопоставляться уменьшительному суффиксу *-itas*: *manazas* (неловкий, неуклюжий человек) и *manitas* (ловкий, умелый человек) [8, с. 29]. Аналогичную функцию могут выполнять и некоторые другие суффиксы, употребленные во множественном числе: *-eras* – *tocineras* (глупый, болван),

¹ Происхождение данной лексической единицы уходит своими корнями в средние века и относится к слугам, которые сопровождали своих хозяев для ношения их пальто и шляпы, именовавшиеся *capigorristas*. Находясь повсюду со своими хозяевами, они имели возможность развлекаться, есть, пить за их счет [5].

rareras (странный человек), *-otas – berzotas* (то же, что и *tocineras*).

Как показывает анализ, уменьшительные суффиксы также являются продуктивными в создании инвективного инвентаря испанского языка. Данные суффиксы не имеют постоянного значения, оно может изменяться в зависимости от семантики основы; кроме того, являясь эмоционально-оценочными, они могут иметь уничижительное значение, указывающее на презрение или насмешку (неважный, незначительный, ничтожный, мелкий) [9, с. 169]: *cabrito*, *gallito*, *mariquito*, *cocinilla*, *mierdecilla*, *boquilla*.

Суффикс *-ón* также может служить средством субстантивации глаголов: *joder – jodón*, *tamar – tamón*, *follar – follón*, *soplar – soplón*, *chingar – chingón*. Кроме того, данный суффикс указывает на активного производителя действия и выражает усиление, интенсификацию признака. Он обладает, наконец, некой негативной эмоциональной окраской [1].

Среди наиболее продуктивных суффиксов находится суффикс *-ero/-a*, обозначающий объект деятельности: *marrullero*, *carnicero*, *maromero*, *mangonero*, *macanero*, *verdulera*, *portera*, *hortera*, *rabanera*, *regadera*, *pelotillero*, *farolero*.

В рамках суффиксального способа продуктивными являются также суффиксы *oso/a*, выполняющие словообразовательную функцию: *mierda – mierdoso*, *goma – gomoso*, *moco – mocososo*, *trampa – trampososo*, *lata – latoso*, *baba – baboso*, *piojo – piojoso*. Суффикс *-ez* также выполняет транспозиторную функцию на лексическом или грамматическом уровне: *gilipollas – gilipollez*, *pendejo – pendejez*. Однако, данный суффикс является малопродуктивным в формировании инвективной лексики.

Относительно префиксального способа словообразования испанской инвективы, следует отметить, что наиболее продуктивными в данном случае являются префиксы *re-* и *súper-*: *reputa*, *repelotudo*, *súpertonto*, *superimbécil*. Однако использование данных префиксов не является способом создания новых лексических единиц инвек-

тивной семантики, а лишь придает большей негативной коннотации уже существующим в языке инвективам.

Наши наблюдения показывают, что в рамках морфологического способа словообразования одним из наиболее продуктивных способов создания инвективной лексики является словосложение. Испанские инвективы-композиаты преимущественно образуются по следующим моделям: ‘глагол + существительное’, ‘существительное + прилагательное’, ‘наречие + прилагательное или причастие’.

С помощью модели ‘глагол в третьем лице единственного числа + существительное во множественном числе’ образуется большая часть инвектив-композиатов: *destrozamachos*, *cantamañas*, *tuercebotas*, *lametraserillos*, *lameculos*, *mamacallos*, *robaperas*, *perdonavidas*, *soplapollas*, *soplamoscos*, *quitahipos*, *inflagaitas*, *inlapollas*, *comegatos*, *rastracueros*, *zampabollos*, *zampalimosnas*, *tragavirotos*, *sacamuertos*, *pinchabombillas*, *matasanos*, *abrazafarolas*, *soplamojos*, *soplapijas*, *pelagatos*, *pelagallos*, *measalves*, *meapilas*, *papahuevos*, *paparrabias*, *cagatintas*, *metepatas*, *criapiojos*, *sacamantecas*. Образованные таким способом лексические единицы также характеризуются образностью и иронией. Так, например, *criapiojos* образуется при помощи глагола *criar* (растить, кормить) и существительного *piojos* (буквально “блохи”), буквальное значение которого – “растить блох”, в фигуральном значении – “грязнуля, нечистоплотный человек”.

Вторую группу композиатов составляют инвективы, образующиеся по модели ‘наречие + прилагательное или причастие’: *malparido*, *malnacido*, *malcriado*, *malcarado*, *malmirado*, или ‘прилагательное + существительное’: *malapata*, *malauva*, *malasombra*, *malaleche*, *malasangre*, *gilipollas*. Примечательным является то, что в этой модели практически все инвективы-композиаты образованы с помощью лексемы *mal*, что способствует приданию лексическим единицам отрицательной оценки, благодаря чему и создаются новые лек-

сические единицы с инвективной семантикой.

Также продуктивными являются инвективны-компози́ты, образуемые по модели ‘существительное + прилагательное’: *pollaboba, pollabrava, bolastristes, caradura, pollalisa, culorroto, culosucio, patadura, bocaflaja, piesplanos, vidaperdurable*. Большинство из перечисленных инвектив образуется на основе переосмысления их компонентов. В данной группе интересным является объяснение образования инвективы *caradura* (нахал, наглец), возможное происхождение которой основывается на реинтерпретации фразы “*La vida es cara y dura, pero a veces la cara es más dura que la vida*” [11, с. 55], что, однако, не является достоверным.

Среди испанской инвективы встречаются также и целые словосочетания, оформленные в одну лексическую единицу: *matalascallando, miramelindo, hazmerreír*.

Таким образом, как показывает краткий обзор, одним из продуктивных способов создания инвективы в испанском языке является метафора. Инвективная лексика также активно пополняется за счет суффиксации и словосложения. Префиксация не является продуктивным способом образования инвективы. Перспективным для дальнейшего исследования является изучение прагматических и коммуникативных аспектов инвективы в различных видах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования / Н.Д. Арутюнова. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.razlib.ru/jazykoznanie/problemy_morfologii_i_slovoobrazovaniya/index.php
2. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В.И. Жельвис. – Ярославль: ЯГПИ, 1990. – 81 с.
3. Кулаков А.Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады и Африки): авто-

- реферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / А.Е. Кулаков. – Саратов, 2011. – 23 с.
4. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: На материале немецкого языка : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 “Теория языка” / А.Ю. Позолотин. – Волгоград, 2005. – 248 с.
 5. Трофимова Н.А. Гендерный аспект оскорблений (на материале немецкого языка) / А.Н. Трофимова // Иностранный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации: материалы межвуз. науч.-метод. конф. – Нижний Новгород : ННФ ГУ-ВШЭ, 19 февраля 2010. – С. 88–95.
 6. Colín Rodea M. Modelo interpretativo para el estudio del insulto / A. Colín Rodea // Estudios de lingüística aplicada. – № 041. – México, 2005. – P. 13–37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.redalyc.org/pdf/588/58804102.pdf
 7. Colín Rodea M. El Insulto: estudio pragmático-textual y representación lexicográfica / A. Colín Rodea: Tesis doctoral. – Barcelona, 2003. – 536 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.tdx.cat/bitstream/10803/7493/1/tmcr1del.pdf
 8. Falcinelli A. Valores y funciones del sufijo -azo en español actual y sus equivalencias en italiano / A. Falchinelli // Revista E. – №1. – 2007. – P. 23–55.
 9. Hualde Antxon Olarrea J.I. Introducción a la lingüística hispánica / J.I. Hualde Antxon Olarrea, A.M. Escobar. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 373 p.
 10. Lisowska M. ‘La falta de inteligencia’ como objeto de insulto. Un análisis sobre el léxico coloquial y argótico del español contemporáneo / M. Lisowska // Romanica Cracoviensia. – №11. – 2011. – P. 258–266. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wuj.pl/UserFiles/File/Romanica%20Cracoviensia%202011/32-Lisowska-RC-2011.pdf>.

ИСТОЧНИКИ

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

11. Celdrán P. Inventario general de insultos / P. Celdrán – Madrid: Ediciones del Prado, 1995. – 311 p.
12. Diccionario de la lengua española (DRAE). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>
13. Real Academia Española: Banco de datos (CORDE). Corpus diacrónico del español. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.es>